

Лауреат премии «Медаль Карнеги»

ШИВАН ДОУД

Шиван Доуд

Утешение в дороге

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Доуд Ш.

Утешение в дороге / Ш. Доуд — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-04-101382-0

После того как юная Холли Хоган попала в приемную семью, только воспоминания о матери делали ее по-настоящему счастливой. Коллекция плакатов любимой музыкальной группы, игрушечная собачка Розабель и самое дорогое, янтарное кольцо, – это все, что осталось от прежней жизни. Если бы она могла набраться безумной смелости и вернуться в Ирландию, чтобы отыскать маму! Но каждый новый день отдаляет Холли от заветной цели. Но однажды она находит белокурый парик и становится Солас, совершенно другой девчонкой – решительной и отчаянной. Такой, которая может убежать из дома, пересечь море и отправиться в опасное путешествие через всю страну навстречу своей мечте.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101382-0

© Доуд Ш., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1. Фишгард[1]	6
2. Заманчивое предложение	9
3. Прощай, Темплтон-хаус	13
4. Здравствуй, Меркуция-роуд	15
5. Парик	18
6. Зовите меня Солас	21
7. Еще больше понтов	24
8. Ох уж эти костеры	27
9. Утешение в дороге	31
10. Утюг	32
11. Подземка	35
12. Лондон на блюдечке	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шиван Доуд

Утешение в дороге

Siobhan Dowd
Solace of the Road

© И., Литвинова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Ах, будь я там, где быть хочу,
Была бы там, где нет меня.
Но вот я здесь, где быть должна,
Уйти, куда хочу, нельзя.*

*Из народной песни
«Жестокая Кэти»*

1. Фишгард¹

Легким ветерком я пронеслась вдоль ряда машин, подмигивая любопытным чайкам. Глядя на меня, никто бы не подумал, что мне срочно нужно проникнуть на борт. Беспечная блондинка, я размахивала руками, как птица крыльями, и развевающиеся волосы моего парика поблескивали на утреннем солнце. Наконец мне улыбнулась удача. Впереди показался сияющий темно-синий семиместный внедорожник, без детей. Седовласая пара, накинув куртки, только что вышла из машины, оставив дверь широко открытой. Они стояли неподалеку, смотрели на море, переговариваясь с кем-то из томившихся в очереди автомобилистов.

Не иначе как могиты². Так в Темплтон-хаусе мы с Тримом и Грейс называли жалких старых мерзавцев.

Изящной походкой я приблизилась к внедорожнику и заглянула в салон. Пальто, журналы, газеты. Детское кресло, но никаких следов ребенка. Неопрятно. Короче, то, что нужно. Я покачала головой, словно сокрушаясь по поводу царящего бардака, и шмыгнула внутрь, протискиваясь в багажный отсек, холодный, как морозилка.

Пахло псиной, шерстью и пластиком. Я свернулась калачиком на полу и укрылась с головой какими-то пальто. Стало тихо. Даже ветра не слышно. Меня поглотило темное безмолвие.

Я отправлялась в Ирландию в прямом смысле под парами собственного дыхания.

Я замерла в ожидании, чувствуя, как покалывает кожу и щекочет в носу. Та еще пытка. *Какого черта я здесь делаю?* Я как будто очнулась посреди странного сна и обнаружила, что нахожусь в том самом месте, которое мне снилось, и сон оказался явью. Я уже порывалась вскочить и броситься вон, но вернулись хозяева авто. Я оцепенела. Сердце пошло вразнос. Могиты устроились на сиденьях впереди, и внедорожник тряхнуло. Тут-то и слетел мой парик. Я чувствовала, как он сползает вниз, но ничего не могла поделать. Я крепко зажмурилась, стиснув зубы. Стариканы заговорили. Двери машины захлопнулись, и заурчал движок.

– Давно пора, – проворчал мистер Могит. – Торчим здесь все утро.

– Твое решение выезжать ни свет ни заря. Не мое. (Миссис Могит.)

– Я выехал с запасом, мало ли какой форс-мажор.

– Вечно ты перестраховываешься.

– А помнишь, как лопнуло колесо?

– И что?

– Ты сама радовалась, что мы выехали пораньше.

– Это было сто лет назад. Еще до внуков. И даже до детей.

– Неважно. В дороге всякое может случиться.

– Святые хранят нас. Прекрати ныть. Вон, уже машут, чтобы мы ехали.

Я понятия не имела, о чем они говорят. Форс-мажор. Похоже на какой-то чудной коктейль из тех, что намешивают в баре Clone Zone³. И акцент у этих могитов казался странным, не как у ирландцев, которых я знала. Во всяком случае, не как у мамочки или Дэнни, человека из кошмаров. И определенно не как у Майко. Но я была рада, что они заняты спором и не оборачиваются назад. Мистер Могит нажал на педаль газа, и мы поползли вперед. Должно быть, мы подъехали к пропускному пункту, потому что я слышала, как контролер проверяет у них билеты. Заметит ли он кучу баракла на полу сзади? Похоже, удача отворачивалась от меня. Без парика никакой Солас⁴ и быть не могло. Я бы снова стала серой мышкой Холли Хоган –

¹ Паромный порт в Южном Уэльсе.

² Mogit – Miserable Old Git – жалкий старый мерзавец (англ.).

³ «Зона клонов» (англ.).

⁴ Solace – утешение (англ.).

никому не нужной, никому не интересной. Но нет. Свершилось чудо. Внедорожник с грохотом взобрался на пандус, и эхо бумерангом вернулось ко мне. Затем послышались звонкие голоса, хлопки дверей, лязг металла. Где-то глубоко в недрах корабля вращалась горячая турбина. Хотя я и лежала под грудой пальто, меня не покидало ощущение, будто поднимается странная жара, а над головой нависают трубы и низкий потолок, как если бы меня снова заперли в тюремной камере. Самодельная бомба, начиненная гвоздями старых страхов, грозила вот-вот взорваться.

Я крепче зажмурилась и закусила губу, стараясь не издать ни звука.

– Не забудь взять сумку с едой, – крикнул мистер Могит.

Теперь, когда мы оказались в брюхе парома, его голос звучал очень близко.

– Она здесь, у меня в ногах.

– Отлично. Тогда мне пармскую ветчину с кукурузой, пожалуйста. И не забудь про сыр.

– Ах, заткнись.

– Шуток не понимаешь.

– Немудрено после шести часов, что мы здесь просидели. Эта дорога измотала меня вконец. Давай выбираться отсюда.

– Может, пальто захватим?

Вот и все. Мне конец.

– Да здесь печет, как в тропиках. Скорее, нужен солнцезащитный крем.

Мистер Могит рассмеялся.

– Ты просто что-то с чем-то. Передай мне сумку.

Я расслышала какую-то возню. А потом внедорожник содрогнулся, когда они вышли.

– Здесь как во чреве ада, – ужаснулась миссис Могит. – Идем скорее на палубу!

Сейчас или никогда. Они осмотрят машину и увидят меня. Или пронесет?

Передние двери захлопнулись одновременно. А потом случилось то, на что я никак не рассчитывала.

КРАААКРУУУК.

Щелкнул автоматический замок, запирая все двери сразу и меня заодно. Окружающие звуки стали размытыми, как будто я погрузилась под воду. Мои внутренности запросились наружу. Я слышала, как отдаляются приглушенные голоса.

Когда ты в машине и тебя заперли, можно ли выбраться?

Если не через дверь, то хотя бы через окно?

Если и окно не открыть, как долго ты протянешь в закупоренной машине? Хватит ли воздуха на переход через Ирландское море?

Если весь воздух выйдет, прежде чем паром причалит к берегу, ты умрешь?

Вопросы жужжали у меня в голове, как разъяренные пчелы. Я боялась пошевелиться. Снаружи хлопали двери. Мимо проходили люди. В какой-то момент внедорожник качнуло, когда кто-то прислонился к нему. Вскоре шум машин и голоса исчезли. Все, что я слышала, это урчание и кряхтение парома.

Я откинула пальто с лица и уперлась взглядом в кремово-зеленые крапинки на потолке. Но вот крапинки растворились, и я увидела дом в небесах. Последнее место, где когда-то очень давно я жила с мамой. Облака жались к окнам. Звучали голоса мамы и Дэнни, они спорили, а потом смеялись, и звенел лед в мамином стакане с прозрачным напитком, а я протягивала пустой тюбик зубной пасты. *Нет. Не то.* Я стерла сцену, как мел с доски. Я подняла парик и ощупала его пепельные пряди. Мама снова сидела перед зеркалом, на этот раз в вязаном черном платье с высоким облегающим воротом. Ветер гулял в ее волосах, хотя она и находилась в доме, и ее губы трепетали, как крылья бабочки. А я расчесывала ей волосы. *Так-то лучше. Не останавливайся, Холли, ради всего святого.* Я хотела сохранить в памяти этот момент, но тут

появились Фиона и Рэй. Они стояли в конце дороги, поджидая меня. И так я снова оказалась в их доме с 63 ступеньками и тикающими каминными часами, отстукивающими мое несчастливое время. Я уловила запах хлеба и ощутила гладкое дерево ступенек под ногами. На улице кружил снег, а в их доме время остановилось.

– Майко, – громко позвала я. – Майко? Куда ты подевался?

И вот он возник передо мной – высокий, под притолоку, с шухером на голове и гитарой за спиной. Улыбаясь, он смотрел на меня с вершины холма. *«Беги быстрее, Холли Хоган»*, – беззвучно напевал он. Эту песенку он сочинил для меня, когда мы все вместе ездили в Девон. *«Пока под ногами вьется дорога»*. А потом он покачал головой, отвернулся и исчез.

И тогда осталась только Грейс: в своей комнате в Темплтон-хаусе она обрезала кутикулу. Трим так и не появился – возможно, опять сидел где-нибудь под замком.

А я томила здесь. Наедине с кремово-зелеными крапинками. Горячая слеза скатилась по щеке. Они приходили и уходили, хорошие и плохие ребята – те немногие, кто заботился обо мне, и большинство, которому было на меня наплевать. И вот теперь я одна, на этом гребаном пароме. Моя мечта, Ирландия, подмигивала мне, но разве можно заплыть в мечту? Мечты подобны зеркалам. Ты подходишь к ним, но упираешься в холодное стекло.

Ирландия. Зеленая трава колыхнется на ветру.

Мама поет: *«Сладкие мечты сделаны из этого»*.

Коровы бродят по холмам.

Свобода.

Смеются собаки, подставляя животы.

И мама улыбается. *«Добро пожаловать домой, дорогая»*.

Я залезла на заднее сиденье, обтянутое серой мягкой кожей, положила парик на колени и погладила его. Мои щеки полыхали, как раскаленный металл. Я глубоко вздохнула. *Успокойся, Холл*. Рука потянулась к двери.

Заблокировано.

Я нажала кнопки, пытаюсь опустить стекло. Ничего.

Без паники, девочка.

Я выглянула наружу. Тусклое освещение, море машин, бампер к бамперу, пустые окна, унылые цвета. Что-то дернулось и покатило вперед. Похоже, мы отчалили.

Черт. Миссис Могит была права. Здесь, внизу, как в чреве ада. Мои внутренности пришли в движение, в животе творилось непонятно что. Я заколотила по окнам. Я орала как резаная, но качка не прекращалась. В этой духоте меня просто вырубит, мелькнуло в голове. *Мамочка, ты где-то там. По ту сторону. Приди, заberi меня отсюда*.

Дома, люди, годы. Они проносились у меня перед глазами быстрее, чем дорожная пыль вылетает из-под колес машины.

Выпустите меня. Пожалуйста. Кто-нибудь. Хоть кто-нибудь.

Выпустите.

Меня.

Отсюда.

Паром качало. Я визжала. Барабанила по стеклу.

Темнота накрывала меня одеялом. Подо мной бушевало море. Но никто так и не пришел.

2. Заманчивое предложение

В темноте дорога, которую я выбрала, ушла из-под ног, как в той песенке Майко. Белые разделительные полосы разлетелись в разные стороны; горы, замки, холмы и асфальт рассыпались, и меня отбросило назад, в самое начало пути. В Темплтон-хаус, который мне пришлось покинуть. И все из-за Майко.

Майко был моим куратором. Иначе говоря, опекал меня и учил уму-разуму. Вообще-то его полное имя Майкл, но все называли его уменьшительным: Майко. У него была татуировка единорога на предплечье, и он умел жонглировать чем угодно: ломтиками хлеба, баночками с джемом, связками ключей. Майко научил меня ставить матрас к стене и молотить по нему, пока вся дурь из головы не вытряхнется. По происхождению ирландец, как я и моя мама, Майко тем не менее говорил без акцента. Он мне очень нравился. Он всегда был на моей стороне.

В ту пору мне было 14 лет. Я пробыла в Темплтон-хаусе дольше всех, включая Майко. На моих глазах они приходили и уходили, персонал и дети, но я очень обрадовалась, когда появился Майко. Он помог мне покрасить комнату в зеленый с белым. На окно повесил золотую занавеску, которую мы с моей подругой Грейс нашли на местном рынке. Так что моя комната стало зелено-бело-золотой, как цвета ирландского флага, и у меня появился свой островок Ирландии.

В комнате я собрала дорогие для меня вещи. Кареглазый Дрю из *Storm Alert*, моей любимой группы, томно смотрел на меня с плакатов, развешанных по стенам. Самая большая ценность – мамино янтарное кольцо – хранилась в моей шкатулке на полке. На подушке жила Розабель, пушистая плюшевая собака, с которой я никогда не расставалась. Она годилась для обнимашек и никогда не кусалась. Розабель следовала за мной повсюду с самого детства. Я приносила ей объедки с ужина, они скапливались у нее между лап и куда-то исчезали. А потом появился Майко и сказал: «Холли, ты уже старовата для таких игрушек». Мне было двенадцать. Так что Розабель переселилась в изножье кровати, где грела мне пятки, и я перестала притворяться, что она настоящая.

Темплтон-хаус был рассчитан на шестерых детей: трех мальчиков и трех девочек. Мальчики спали в пристройке на заднем дворе, а девочки – в комнатах наверху. Грейс и Трим, оба на год старше меня, были моими любимчиками. Неприятность – второе имя Трима, а Грейс я бы назвала Великолепной. Почти каждое воскресенье, а иногда и среди недели мы втроем ходили кататься в подземке. Наша банда наводила на всех ужас, и младшие обходили нас стороной.

Майко отмечал в своих отчетах, что я качусь по наклонной. И что я не должна позволять другим сбивать меня с пути. Под «другими» он подразумевал Грейс и Трима, но никогда не говорил об этом открыто.

И вот однажды он зашел в комнату отдыха и сказал: «Холли, у меня для тебя новость».

Мы в пятидесятый раз смотрели, как тонет «Титаник». На улице лило как из ведра, и больше нечем было заняться. У меня слипались глаза – в такую погоду меня всегда клонило в сон. Я смотрела в окно, представляя, что вернулась в Ирландию, где все время идет дождь. Меня увезли оттуда в пять лет, но я до сих пор все отчетливо помнила. Я видела маму на вершине зеленого холма. В черном вязаном платье с высоким воротом, с развевающимися на ветру сияющими волосами. И дождь был таким мягким, что казалось, будто идешь сквозь шелковую пелену. Я сидела на «бобовом пуфе», и Грейс положила голову мне на колени, так что я перебирала ее красивые косы и мечтала о буре. На экране мелькали кадры, в которых Кейт Уинслет бежит за топором.

– Заткнись, не мешай! – рявкнул Трим на Майко.

Он обожал «Титаник» и мог смотреть его бесконечно. Не дай бог захрустеть чипсами во время просмотра – Трим тотчас взрывался и был страшен в гневе.

– Да-а, что за новость, Майко? – протянула я без всякого интереса и едва не получила по носу от Трима.

Майко дернул головой, приглашая меня выйти. Так что я оставила Кейт Уинслет бежать по коридору корабля и последовала за Майко в маленький кабинет для персонала, где хранились все документы. Папки лежали в серых коробках, подписанных именами воспитанников, и, чем дольше ребенок оставался в Темплтон-хаусе, тем больше коробок у него накапливалось. У меня их было шесть штук – больше, чем у кого-либо.

Майко занял крутящееся кресло. Я села на деревянный раскладной стул возле окна и уперлась ногами в мусорную корзину. Отсюда я могла видеть сад – серо-коричневый, насквозь промокший, и это зрелище доставляло мне удовольствие. Я представляла себя на месте Кейт Уинслет с топором и, улыбаясь, думала о том, как бы расправилась с негодяем, который хочет жениться на деньгах.

– Холли, – начал Майко.

– Да. Что?

– Ты хочешь знать, что за новость, или нет?

– Неважно.

– Речь о помещении в семью, Холли.

Я пожала плечами. Сколько раз я это слышала, и все без толку.

– Это как раз то, что ты хотела. Симпатичная пара. Детей нет. Живут на другом конце боро⁵.

Он так лучезарно улыбался, будто я выиграла в лотерею. Я потянулась вперед, достала из мусорной корзины смятый бумажный шарик и принялась жонглировать.

– На этот раз тебе *крупно* повезло, – добавил Майко.

– О, да?

– Честное слово. Я уже обсудил это с Рейчел.

Рейчел – социальный работник, и это совсем не то, что куратор, который не целый день, но проживает в доме вместе с подопечными. Социальный работник просиживает в офисе с девяти до пяти, как и любой служащий.

– Она с ними встречалась, и они показались ей хорошими людьми, – продолжил Майко. Хорошие люди. Я изобразила рвотный рефлекс, засунув два пальца в рот.

– Ладно. *Приятные* люди. У них очень красивый дом. Викторианский стиль и все такое. У тебя будет своя комната. И, как я уже сказал, никаких детей.

– Они ирландцы? – спросила я.

– В смысле?

– Грейс все время попадались черные семьи. Поэтому я хочу только ирландцев.

– Да будет тебе, Холли. Их зовут Олдриджи. Звучит не очень-то по-ирландски. Но у большинства англичан есть примесь ирландской крови, это факт.

– Ха.

– Так что?

– Что?

– Что *думаешь*, Холли?

Я запустила в него бумажным шариком, целясь в нос, но Майко ловко перехватил его на лету.

– Вот что я думаю. Полное дерьмо.

Майко бросил шарик мне, я отбила, и мы какое-то время перекидывали его друг другу, пока Майко не отправил его обратно в мусорную корзину.

⁵ Боро – административная единица Лондона районного уровня. 32 боро образуют церемониальное графство и регион Большой Лондон.

– Ох, Холли.

– Ох, Майко. – Мы схлестнулись взглядами, и я невольно улыбнулась. Майко был лучшим футболистом среди непрофессионалов. – Я не хочу в семью. Мне и здесь хорошо.

– Но ведь школа, Холли. Ты же совсем не учишься. С Олдриджами ты пойдешь в новую школу, начнешь с чистого листа. Это будет лучшая школа.

Я посмотрела на него так, будто хотела сказать: «*Мне съесть лимон?*»

– Холли. – Майко понизил голос.

– Да?

– Я хочу, чтобы ты кое-что знала. Не отказывайся от этого места из-за меня. Хорошо?

Я дернула молнию на толстовке.

– Ха-ха. Можно подумать, это из-за тебя.

– Просто я хочу, чтоб ты знала, Холли.

– Да, что?

– Я ухожу отсюда.

Повисло долгое молчание. Я отвернулась к окну и смотрела, как капли дождя летят вниз, словно муравьи-убийцы, посланные со смертельной миссией.

– Уходишь, Майко? – Мой голос походил на писк. – Что ты хочешь этим сказать?

– Холли, я устраиваюсь на новую работу. Пора.

В правилах сказано, что, расставаясь с куратором, вы прекращаете с ним всякие контакты. Навсегда.

– А как же наши планы на лето, Майко? Мы же собирались снова поехать в Девон? Ты обещал. Ты хотел научить нас серфингу, верно? Что насчет этих планов, Майко?

Он ничего не ответил.

– И что значит «пора»? – Я уже чувствовала, как тикает бомба, готовая разорвать мой мозг.

Рука Майко вдруг оказалась на моем плече.

– О, Холли.

– Ты – мой куратор, Майко. Ты и я, мы – команда. Ты сам так говорил.

– Это трудно, очень трудно объяснить. Видишь ли...

Я закусила губу.

– Мне нужно уходить, Холли. Я больше ничего не могу здесь сделать. Ты на скользкой дорожке. Что я не устаю повторять. Тебе нужен настоящий дом. Ты этого заслуживаешь. И Олдриджи – самый подходящий вариант. Они ждут тебя. Поверь мне, Холли.

Я встала со стула и схватилась за жесткую спинку. Мне не хотелось, чтобы Майко видел мое лицо, поэтому я отвернулась к окну и уставилась на мрачные деревья.

– И есть еще одна причина, Холли. Здесь у меня посменный график. Это разрушает мои отношения.

Он говорил о своей девушке, Иветте. До сих пор я даже не думала, что она существует, с таким-то именем.

– Что ж, счастливого пути, – сказала я.

– Просто дай согласие встретиться с ними. И тогда посмотришь, что ты чувствуешь. Давай, Холли. Пожалуйста.

Я уставилась на мертвые листья, устилающие лужайку.

– Надо переварить.

– Это «да», Холли?

Я не ответила.

– Просто «да» на встречу с ними, без всяких обязательств?

Я махнула рукой.

– Да, Майко. Все, что захочешь. Пойду, досмотрю, как освобождают бедных ирландцев из третьего класса.

Я вернулась к телевизору, когда «Титаник» уже накренился и торчал из воды под опасным углом. Грейс сидела на полу и, согнувшись в три погибели, красила ногти на ногах в странный цвет, обозначенный на пузырьке как «Х.Т.С.». В комнате разливался запах дешевого дезодоранта. Впрочем, здесь всегда так воняло. Трим сидел на спинке дивана и сотрясал кулаками воздух, пока корабль шел ко дну.

Я примостилась рядом с Грейс.

– Давай мне пузырек, Грейс. Я помогу тебе докрасить.

Но вместо этого я плеснула лаком на светлый ковер, оставив на нем уродливое фиолетовое пятно.

– Зачем ты это делаешь, корова? – завизжала Грейс.

– Заткнись, мать твою! – взревел Трим.

Заманчивое предложение? Больше похоже на игру «передай посылку».

Темплтон-хаус без Майко? Я бы, разумеется, предпочла билет на «Титаник».

3. Прощай, Темплтон-хаус

Рэй и Фиона Олдридж жили в местечке под названием Тутинг Бек на другом конце боро. Они пришли навестить меня и познакомиться. Майко проводил их в мою комнату и оставил нас наедине.

Фиона оказалась миниатюрной, с морщинистым лицом и гусиными лапками вокруг глаз, вздернутым носиком и волнистыми волосами, криво подстриженными под боб, как будто она сама орудовала ножницами. В ушах у нее висели серьги в форме колокольчиков, и общую безвкусицу усиливал плотный джемпер в красно-зеленую крапинку. Я сразу раскусила эту особу: она из тех, кто одевается беднее, чем позволяют средства, а деньги тратит на спасение китов. Такие готовы усыновить и трехногую собаку.

Фиона под села ко мне на кровать, как будто мы с ней давние подруги, и заговорила с аристократическим акцентом, мягко и очень вежливо. Рэй, худой и опрятный, больше помалкивал. Он стоял у двери, смотрел в сторону и явно скучал.

После того как представления закончились, говорить стало не о чем.

Потом Фиона спросила, когда у меня день рождения.

– А вы как думаете? С именем Холли?⁶ – ответила я вопросом на вопрос.

Фиона улыбнулась.

– Очень красивое имя. Полагаю, ты появилась на свет под Рождество?

– Так все говорят. Только день рождения у меня в июне.

– В июне? Что ж, хорошее время. Остролист ведь круглый год зеленый, верно?

– Правда?

– Да, мне так кажется.

– А как же ягоды?

– Ягоды? Они появляются только зимой, я полагаю.

Отлично. Стало быть, я – остролист без ягод, одни колючки. Думаю, тогда мне и пришло в голову, что Фиона тоже из породы могоитов, несмотря на все эти улыбочки, кивки и дружеские посиделки на кровати.

Не знаю, что на меня нашло, но я взяла Розабель с подушки, сказала, что это моя любимая собачка из Ирландии, и спросила, можно ли и ей войти к ним в дом. Потом я принялась гавкать. «Ггав-гав!» Фиона рассмеялась, как будто я мастер пантомимы, и сказала, что, конечно, они будут рады собачке.

Они в общих чертах описали свой дом и комнату, которую приготовили для меня. Потом оба пожали мне руку, словно я для них бизнес-проект, и ушли.

Вскоре ко мне заглянул Майко и спросил, что я думаю.

– Могиты, – сказала я. – Оба. Сто процентов.

– О, Холли, – покачал он головой. – Это все, что ты можешь сказать?

– Ага.

– Так ты хочешь продолжить знакомство или нет?

– Не знаю.

Он снова затянул старую песню о том, что мне пора двигаться дальше, бла-бла-бла, что лучше мне уйти из Темплтон-хауса, бла-бла-бла, что здесь я ничему хорошему не научусь и оставаться просто опасно. Пока он говорил, я возилась в волосах, как если бы у меня завелись вши, притворяясь, что занята более важным делом. Наконец он знаком дал понять, что оценил мою шутку, и понизил голос.

⁶ Holly – остролист (его вечнозелеными веточками с красными ягодами по традиции украшают дом на Рождество) (англ.).

– Я только что узнал. Меня пригласили на собеседование, Холли. На той работе. Так что скоро все решится.

Я оцепенела. На меня словно ушат холодной воды вылили. Все это время тема ухода Майко как-то не всплывала в наших разговорах. Я даже думала, что он, возможно, не получил эту работу, и тогда конец истории, он так и останется моим куратором, а Олдриджи пусть катятся ко всем чертям.

Сменная работа, Холли. Это разрушает мои отношения.

– Собеседование?

Я подняла Розабель и покрутила ее за ухо. На мгновение промелькнула мысль, что, может быть, он не понравится будущим работодателям. С другой стороны, Майко всем нравился. Так что получит он это место как пить дать.

Майко поднялся.

– Да. В следующий понедельник. Так что подумай об этом, Холли. У меня предчувствие насчет Фионы и Рэя. Для тебя это шанс на миллион. Ты можешь сходить к ним на пробный уик-энд.

– О, да?

– Да, Холли. Как тебе эта идея?

Я легла на кровать и осмотрела коричневую переднюю лапу Розабель, воображая, что вытаскиваю застрявший камешек. «Ггав!» – повторила я. Майко прислонился к дверному косяку и смотрел на меня, наклонив голову, словно ожидая вразумительного ответа. Поэтому я подняла Розабель и прорычала собачьим голосом:

– Хорошо. Мы дадим могитам шанс. Ггав.

– Ты серьезно, Холли?

– Серьезнее не бывает.

И Майко просиял, как будто Ирландия выиграла чемпионат мира.

Тогда-то мне и открылась суровая правда жизни.

4. Здравствуй, Меркуция-роуд

В первый раз я пошла к Фионе и Рэю на пробный уик-энд. Мы втроем – я, Грейс и Трим сплелись в дружеских объятиях во дворе Темплтон-хауса. Я чувствовала нежную щеку Грейс и шершавые локти сорванца Трима. Майко стоял на крыльце и махал мне рукой.

– Срази их наповал, Холли, – крикнул он.

Как будто могло быть иначе.

Рейчел – как соработнику – предстояло везти меня на метро к дому Олдриджей. Они жили на улице под названием Меркуция-роуд. По обеим сторонам широкой аллеи тянулись ряды деревьев с желтыми листьями. Местечко выглядело шикарно: высокие старинные дома из желтого кирпича с подъемными окнами. Самодовольные, они смотрели на меня свысока, как на мусор. Фиолетово-серые крыши сливались с цветом неба. Двери в домах были разноцветными, с резными молоточками вместо звонка, прорезями для почты и семью ступеньками перед входом.

– Вот он, – сказала Рейчел. – Номер 22.

– Да.

– Как ты себя чувствуешь, Холли?

– Прекрасно.

– Не нервничаешь?

– Не-а.

В тот первый уик-энд я делала все, как велела Фиона. Легла спать, когда она предложила. Снимала наушники, беседуя с ней. Я старалась не обращать внимания на то, что ее разговоры больше напоминают записанное объявление в метро. Во всяком случае, так звучал ее голос – как у той женщины, что приглашает на выход и просит не забывать про зазор между поездом и платформой. Голос аристократический, уютный и фальшивый.

Как и дом. Повсюду дерево, даже в туалете. Каблуки цокают по полу, куда ни пойдешь. Мне приходилось ступать на цыпочках, чтобы не слышать этот мерзкий звук, и клянусь, я даже дышала через раз с пятницы до вечера воскресенья.

К счастью, у Фионы и Рэя не было детей. И я была избавлена от этих мерзких скунсов, не то что у Каванагов, куда меня однажды поместили. Их маленький негодник довел меня до ручки. Хуже всего то, что он порвал единственную фотографию моей мамы. Для меня это был удар в самое сердце, а *его* мать отказывалась верить, что он на такое способен.

Здесь у меня была своя комната, где я могла держать дорогие мне вещи. Полкомнаты занимали большая кровать с мягким покрывалом абрикосового цвета, комод с ключом и шкаф с зеркалом во весь рост. С потолка свисала низкая люстра со стеклянными подвесками, которые играли на свету. У окна с видом на сад и стену, увитую плющом, стоял письменный стол со стеклянной столешницей. За стеной просматривался еще один желтый кирпичный особняк с самодовольными окнами, а дальше тянулась общая территория. Все аристократично, уютно и фальшиво. Тутинг Бек. Понты навек.

– Тебе нравится? – спросила Фиона. – Мы ее только что отремонтировали.

Я вспомнила, как Майко драпировал золотые занавески на окне моей комнаты и как красиво они смотрелись.

– Все чудесно. – Я взяла с собой Розабель и положила ее на подушку вздремнуть.

Фиона поинтересовалась моими любимыми блюдами. Я сразу предупредила, что ненавижу яйцо.

– Хорошо, – сказала она. – Никакого яйца.

Потом я сказала, что обожаю пиццу, и мне ее принесли.

Второй уик-энд прошел по такому же сценарию. В воскресенье вечером я вернулась домой. Меня подвез Рэй. Он вел машину и всякий раз, поворачивая за угол, говорил: «Вот, почти приехали». Я догадалась, что идея опекунства принадлежала Фионе. Ему не терпелось поскорее сбавить меня.

Перед самым Рождеством Майко и Рейчел объявили, что у них для меня подарок-сюрприз: Олдриджи готовы поселить меня в своем доме. Рейчел сказала, что я им очень понравилась, и выразила уверенность, что я у них приживусь.

Да уж, подумала я, как вокалист хеви-метал в балетном классе.

– И на какой срок они меня берут?

– Неограниченный, Холли. Разве это не замечательно? Они очень заинтересованы в тебе, – сказала Рейчел.

– Неограниченный? Значит, в любой момент они могут отправить меня обратно?

Майко всплеснул руками.

– Зачем им это делать, Холли? Ты ведь будешь хорошо себя вести, да?

Как будто я разбойник с большой дороги.

– Не знаю, Майко. Хулиганить – это ужасно весело.

Майко медленно приподнял бровь.

– Ладно, ладно, попробую, – успокоила я его. – Но, если они отправят меня обратно, чур, я не виновата. Это будет означать, что я им попросту не нужна. Как было с Каванагами.

– Но у Олдриджей нет детей, – возразила Рейчел. – В отличие от Каванагов. Ты ведь этого хотела, не так ли?

– Наверное.

– В общем, договоренность, открытая с обеих сторон, Холли. Ты тоже можешь решить, что с тебя хватит. – Рейчел усмехнулась.

Она вообще-то ничего, эта Рейчел. Только на 50 процентов может. У некоторых, как у той же Грейс, соработники такие, что даже близко не подойдут к своим подопечным, а разговаривают так, будто им принадлежит Биг-Бен. Рейчел не из их числа.

В январе, перед самым началом занятий, в пятницу, она отвезла меня на Меркуция-роуд и оставила там, быть может, навсегда. Она постучала в дверь молоточком, а я спустилась на пятую ступеньку, чтобы надышаться вволю. Падал пушистый снег, и я думала о Тримере, Грейс и нашей троице. Но больше всего я думала о Майко, вспоминала, как он обнял меня на прощание в то утро. Во мне теплилась надежда, что, может быть, это не конец и он нарушит правила и пришлет мне когда-нибудь письмецо, или однажды, прогуливаясь по улице, я случайно встречу его, улыбающегося.

– Холли, – сказал он. – Все будет в порядке. Я знаю.

– Да, Майко. Все будет хорошо.

– Просто помни. Трюк с матрасом. И шелкай все невзгоды...

– Да-да, как орех.

– Вот именно, Холли. Ты молодчина.

Но он не оставил мне номер своего мобильного или еще какой-нибудь контакт.

В то снежное утро, стоя на тех ступеньках в Тутинг Бек, я кусала губы и крепко сжимала веки, сдерживая слезы.

– Ты в порядке, Холли? – встревожилась Рейчел.

– Да. В порядке. Просто холодно.

– Я понимаю. – Она коснулась моей руки и потопталась на месте.

Дверь открылась. Фиона закивала, как те дурацкие собачки, что болтаются на лобовом стекле в машине.

– Проходите. Адский холод сегодня.

Я ступила на коврик и почувствовала руку Фионы на своем плече.

– Холли, – сказала она. – Знай, что тебе здесь всегда рады. Очень рады. – Под ее взглядом я почувствовала себя мелкой игрушкой из рождественского крекера-хлопушки. Она чуть повысила голос, обращаясь к Рейчел. – Чай готов.

Рейчел вскоре ушла, и Фиона принялась наводить порядок на кухне, мурлыча что-то себе под нос, как будто это обычное дело – держать в своем доме малолетку с сомнительным прошлым, взятую из приюта. Я разглядывала блестящую лакированную столешницу с сервировочными салфетками и думала: *«Какого черта я согласилась сюда прийти?»* В животе разлилась тупая боль, когда я вспомнила стол у нас Дома – щербатый, с белесыми пятнами от горячих кружек и следами от шариковой ручки; вспомнила, как заводился Трим от наших подколов, как жонглировал Майко, а Грейс гоняла по столу замороженный горошек, вместо того чтобы его съесть. *Черт возьми, что же мне теперь делать?*

5. Парик

Шли дни. Новая школа. Новое место. Новые люди. Все новое. В доме на Меркуция-роуд стояла кладбищенская тишина. На улице день за днем шел снег.

Фиона всегда первой заводила разговоры. Я никак не могла придумать, что бы такое сказать. Беда в том, что она вечно задавала вопросы, и мне приходилось *что-то* говорить. Она, как собака-ищейка, пыталась разнюхать, кто я и что. Но в конце концов, я же не зарытая в саду кость, чтобы до меня докапываться. Короче, я старалась держаться от нее подальше.

Моим любимым местом стала лестница. Я насчитала 63 ступеньки, включая те, что снаружи. Обычно я садилась на лестничной площадке второго этажа, возле крошечного оконца, и смотрела, как падает снег и пустеет небо. Иногда Розабель сидела у меня на коленях, но по большей части лежала на кровати.

Когда Фиона меня не видела, я занималась раскопками. Лазала по ящикам и шкафам, исследовала помещения в доме, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, что могло бы подкинуть свежую идею. Но попадалось только унылое барахло. Простыни. Полотенца. Пакетики лаванды. Все в таком духе.

И вот спустя неделю я нашла парик.

Он лежал в нижнем ящике комода на самом верху 63-ступенчатой лестницы, в целлофановом пакете, и такой тощий, что поначалу я даже не потрудилась заглянуть внутрь. Но потом я запустила туда руку и нащупала что-то загадочное, вроде тонких мягких струн. Тогда мне пришлось заглянуть в пакет. Оказалось, что это искусственные волосы разных оттенков – седые, золотистые, но в целом светлые, с приглушенными бликами. Я вытащила парик, покрутила его в руках, рассматривая со всех сторон: мягкие длинные пряди, подстриженные каскадом, густая челка. Внутри – симпатичная сеточка с коричневой лентой для фиксации на голове. Надев парик на кулак, я заметила, что моя кожа просвечивает сквозь пробор, как скальп.

Парик пепельной блондинки – умереть не встать.

– Холли! – послышался снизу голос Фионы. – Холли... обедать!

Я запихнула парик обратно в пакет и закрыла ящик, пообещав себе, что примерю новый образ, как только Фиона уйдет за покупками.

Фиона встретила меня с таким выражением лица, как будто узнала о том, что последнего кита забили гарпуном. Рэй ушел на работу, хотя в субботу это выглядело странным. Я села за стол и стала рыться в тарелке с сыром и помидорами, но есть совсем не хотелось. Парик запал мне в душу, по-настоящему завел. От возбуждения я даже отбивала чечетку под столом. А потом у нас с Фионой случился первый скандал, настоящая драчка.

Обычно, когда я злилась, эмоции набрасывались на меня, как лассо, и душили, пока в голове не взрывалась бомба, сокрушая все вокруг. Летели подушки, стулья, кроссовки – все, что попадалось под руку. Тогда приходил Майко и силой утихомиривал меня, а я размахивала руками, как ветряная мельница крыльями, ругалась и брыкалась, и мне было хорошо. Тогда Майко говорил: «Давай трюк с матрасом, Холли». Я бежала к себе в комнату, срывала с кровати матрас и, приставив его к стенке, колошматила почем зря. Майко советовал делать это, даже когда я не злюсь, утром и вечером, не дожидаясь взрыва бомбы или сцены с лассо. Измучив матрас, я падала без сил, обливаясь потом. И никакие насмешки уже не могли вывести меня из равновесия.

Но во время того обеда с Фионой я забыла про трюк с матрасом. Да и в любом случае матрас на моей кровати был такой толстенный, что поднять его мог бы только Кинг-Конг. А мне ужасно хотелось примерить парик, и я молила о том, чтобы Фиона поскорее ушла.

– Ты точно не хочешь пройти по магазинам? – приставала она ко мне. – Ты могла бы сама выбрать себе пищу.

– Нет. Я лучше здесь останусь. Честно.

– Уверена?

– Да. На улице так мокро.

– Знаешь, есть такая вещь, как зонтик. Ты уже два дня не была на свежем воздухе. Я ковырнула ломтик помидора.

– Там холодно.

– Ты не любишь холод?

– Не-а.

– Предпочитаешь лето?

Теперь понятно, что я имела в виду, когда говорила про бесконечные вопросы?

– Да. Наверное.

Фиона потянулась к разделочной доске за еще одним ломтиком хлеба.

– Можешь считать меня странной, но я люблю зиму. Январь – мой любимый месяц.

Неужели она *никогда* не уйдет?

– Попробуй мой хлеб, Холли, дорогая.

Терпеть не могу, когда называют «дорогими» всех подряд, даже малознакомых людей.

Меня так это заводит с поворотом.

– Хлеб домашней выпечки, – мурлыкала она. – Из божественной муки. Цельнозерновой.

Я засунула два пальца в рот.

– Бээ.

– Не делай этого, Холли, пожалуйста.

Я сделала это снова.

– Не надо! Я готовлю всю эту еду для тебя, для нас с Рэем, но вместо этого ты питаешься каким-то мусором, дрянью. Удивительно, что у тебя еще не случился заворот кишок от той изысканной химии, которой ты себя пичкаешь.

– От той изысканной блевотины, что стряпаешь *ты*, – парировала я, делая вид, будто меня вот-вот вырвет на буханку домашнего хлеба.

Фиона схватила буханку, оставив хлебный нож на доске, и отошла к рабочему столу.

– Изысканная блевотина, – повторила я, показывая на доску, где только что лежал хлеб.

– Ладно, Холли. Перестань. Я подумываю о том, чтобы позвонить Рейчел. Возможно, пришло время пересмотреть нашу договоренность.

Лассо полетело. Бомба взорвалась. Я схватила хлебный нож и запустила им в кухонное окно. Но промахнулась, и нож с грохотом упал в раковину. Тогда я вскочила из-за стола, подняла стул и ударила ножкой о кухонный шкаф.

– Чертов хлеб, чертова кухня! – закричала я. – Ну, давай, скажи это. Ты хочешь, чтобы я ушла, Рэй хочет, чтобы я ушла, вы меня ненавидите. А я ненавижу твой гребаный божественный хлеб и тебя тоже ненавижу. Я не твой ребенок. Я не хочу быть твоим ребенком. Я мамина дочь, не твоя.

Фиона подошла и положила руки мне на плечи.

– Холли! Успокойся.

Я терпеть не могла, когда она прикасалась ко мне своими безумно горячими пальцами. Оттолкнув ее, я выбежала из кухни.

Я поднялась наверх и захлопнула дверь своей спальни. Заперла ее на ключ. Вскоре пришла Фиона и постучалась в дверь.

– Холли?

– Пошла вон, Бесплодка.

Молчание.

Потом снова заговорила Фиона.

– Как ты меня назвала?

– Никак.

– Это не ответ, Холли. Так что ты сказала?

Я упорно молчала.

Она ушла. Но минут через десять вернулась.

– Я иду в магазин, – крикнула она через дверь. Голос у нее дрожал, как будто в нем стояли слезы. – Когда я вернусь, надеюсь, ты будешь готова выйти. И надеюсь, ты извинишься за то, что обидела меня. И за то, что так обозвала.

Наступила тишина. Потом я услышала ее удаляющиеся шаги.

Как только внизу хлопнула дверь, я вышла из комнаты и побежала наверх, за париком.

6. Зовите меня Солас

Странный белый свет сопровождал меня, пока я поднималась по лестнице. За окном дождь превратился в мокрый снег, а потом и вовсе начался снегопад. Я добралась до верхней лестничной площадки, достала из комода парик и помчалась обратно в свою комнату. Меня не покидало ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Призрак, что ли? Хочет достать меня?

Я заперлась на ключ, спасаясь от преследования, но белый свет проникал сквозь щель под дверью.

Устроившись перед зеркалом, я опустила голову и, выдохнув, нацепила парик. Потом медленно выпрямилась и посмотрела в зеркало. В комнате стемнело, как будто день уже выдохся. Из-под белокурых прядей парика кое-где торчали мои жидкие каштановые волосенки. На меня смотрело странное существо – наполовину Холли Хоган из далекого прошлого, наполовину безумная незнакомка. «Спокойно, девочка, – сказала я себе. – Наведи марафет».

С гулко бьющимся сердцем, я убрала под сеточку выбивающиеся темные лохмы. Потом расчесала волшебные пепельно-светлые пряди, уложила их на пробор.

Закончив, я отложила расческу и, вздохнув, выглянула в окно. Потом включила прикроватную лампу, чтобы тени разбежались по углам, и снова подошла к зеркалу.

И тогда появилась она.

Новенькая в нашем квартале.

Она была года на три старше Холли Хоган, чертовски умная, злая, сумасшедшая и настоящая, классная няшка.

Няшки, девушки с влажными губами и стройными бедрами, такая же редкость, как русалки, и способны пустить пыль в глаза любому могиту. Весь мир у их ног.

В глазах этой няшки было кое-что от мамы. Я бы назвала ее помесью Холли и миссис Бриджет Хоган – возможно, своей старшей сестрой. Но она парила над нами, словно эфемерное создание из совершенно другой жизни. Как девушка на трапедии – на нее можно только смотреть, но стать такой невозможно.

Она захлопала ресницами. Приоткрыла рот. Я снова взялась за расческу. Потом потянулась за шкатулкой и достала мамино кольцо из янтаря. Оно было великовато для моего безымянного пальца, поэтому я надела его на средний. Мамин голос звучал у меня в голове, она говорила со мной, как раньше, когда я расчесывала ей волосы – там, в небесном доме. Я расчесывала волосы и смотрела в зеркало, где отражались облака, стучавшиеся в окна, высоко над землей. Мама – в черном вязаном платье с высоким воротом, которое подчеркивало ее изящные плечи и стройные ноги, – улыбалась мне в ответ. Волосы у нее ниспадали сияющими волнами, а темные брови как будто хмурились. Я не могла ничего разглядеть под дугами этих бровей – ни глаз, ни носа, ни рта. В одной руке она держала стакан с прозрачным напитком, в котором звенели кубики льда, а в другой руке – губную помаду. Она собиралась на свою танцевальную работу, и я укладывала ей волосы. Каждый взмах гребня отзывался шепотом, и светлые пряди трепетали под моими руками.

– Как мы ее назовем, Холл? – спросила мама.

Мы обе посмотрели на новенькую.

– Не знаю. Как-нибудь необычно.

Мы задумались.

И тут ее осенило.

– Помнишь лошадь, которую ты выбрала в тот раз? И Дэнни на нее поставил?

У меня перед глазами выстроился ряд скакунов – крепких, мускулистых, гнедых, с вытянутыми, как у жирафов, шеями. Самая красивая в мире лошадь, жемчужно-серая, выбивалась чуть вперед.

– Систер Солас, – прошептала я. – Я помню ее, мама.

– Эта девушка... той же масти, верно?

– Да.

– И такая же шустрая?

– Победитель.

– Тогда мы назовем ее Солас, Холл. В честь лошади.

– Солас? – Белокурые пряди коснулись моих щек поцелуем. – Да. В честь лошади, мам. Отлично. Вот, значит, кто я. Девушка по имени Солас. Я тоже в вечном движении. И никто не указывает мне, что делать.

– Верно, Холл. В общем, ты все поняла. – Она накрыла мою руку ладонью. – Не останавливайся, Холл, ради всего святого.

Я продолжала расчесывать волосы.

– Солас, – произносила я с каждым взмахом гребня. – Зови меня Солас.

Так я и стала Солас, которая идет по дороге, устремленной в ночное небо, голосуя оттопыренным большим пальцем, с рюкзачком за спиной и сигаретой в кармане. Я отправилась к маме, на свой страх и риск. В Ирландию, где зеленела трава. Я не знала, в каком городе живет мама, но не сомневалась, что найду ее. Обязательно найду. В парике Солас я собиралась пересечь Ирландское море и бродить по ирландским холмам под мелким, мягким дождем, потягивая глоточками воздух свободы, как и обещала мама. Никто не смог бы меня остановить, и я бы все шла, шла...

Внизу хлопнула дверь.

Небоскреб исчез. Вместо него снова маячил пафосный Тутинг с белоснежным конфетти на улице и тишиной в домах.

Фиона вернулась из магазина. На моих губах заиграла улыбка Солас, и над пышной шевелюрой завис светящийся нимб. Выглядела я няшкой, но в душе оставалась дрянной девчонкой.

– Холли, – позвала Фиона из холла. – Иди, посмотри, какую пиццу я купила.

Я сняла парик и спрятала его под подушкой, а сверху усадила Розабель.

– Скоро вернусь, – пообещала я обоим.

Я отперла дверь и спустилась вниз, едва касаясь перил.

– Привет, Фиона. – Я прислонилась к косяку кухонной двери.

Фиона показала мне свои покупки. Ветчину и ананас.

– Мои любимые. Спасибо.

Я так проголодалась, что могла бы съесть все и сразу. Можно подумать, что в том парике я успела слетать на Луну и обратно.

– Давай забудем о том, что было, Холли?

Наверное, мои губы шевельнулись, потому что Фиона в упор смотрела на меня, врезаясь взглядом в мои глаза.

– Да, Фиона, – сказала я. – Хорошо.

– Только при условии, что ты больше не будешь меня так называть.

Я стояла в дверях, теребя молнию на кофте.

– Ты ведь не будешь, правда, Холли? Пожалуйста?

– Не буду, Фиона. – И добавила то, что обычно говорил Майко. – Я тебя поняла.

Фиона улыбнулась.

– Спасибо, Холли. Видишь ли, это мое больное место – то, что я не могу иметь детей. – Она полезла в сумки, достала пакет с мандаринами и предложила мне один. – Несколько лет назад у меня был рак.

Я взяла мандарин, забывая о том, как ненавижу их чистить.

– Рак?

– Теперь не о чем беспокоиться. Врачи говорят, что я в полном порядке. Но мне пришлось пройти химиотерапию. Ты знаешь, что это такое?

Я перекладывала мандарин из руки в руку, как мячик.

– Ну, в общих чертах.

– Тебе дают сильные лекарства, от которых выпадают волосы и тошнит. Иногда это приводит к тому, что ты не можешь иметь детей.

Я уставилась на прожилки в оранжевой кожуре.

– Фигово, – выдавила я из себя.

– Небольшая цена за жизнь, но это не то, чего хотели мы с Рэем. Так что больше не обзывай меня, Холли. Прошу тебя.

– Хорошо, – пообещала я.

Фиона кивнула и начала распаковывать остальные покупки. Поначалу я просто наблюдала за ней, а потом отложила мандарин, схватила один из пакетов и выгрузила из него консервные банки с помидорами. Я отнесла их в шкаф, где, как мне казалось, им место.

– То время... – Запихивая в холодильник мороженую рыбу, Фиона пустилась в воспоминания. – Самые долгие восемнадцать недель в моей жизни. Я носила парик, чтобы скрыть облысение.

– Парик?

– Да, пепельной блондинки. Я его ненавидела. Из-за него щеки выглядели красными, но не здоровыми, а скорее пятнистыми. Я пробовала носить шарфы, но с таким же успехом можно сделать татуировку на лбу: ЖЕРТВА РАКА. Все это походило на кошмар, происходящий с кем-то другим, Холли. Тебе знакомо это чувство?

– Еще бы, – фыркнула я.

– Я храбрилась из последних сил. А потом, когда все закончилось, была сама не своя. Сейчас, когда я оглядываюсь назад, у меня мурашки по коже. Я думала, волосы никогда не отрастут, но они выросли, Холли. Только стали другими. – Она подхватила прядь своих волнистых волос и улыбнулась мне. – Раньше они были прямыми. А теперь смотри, что делается. А у тебя какое время было худшим в жизни?

Я как раз несла в шкаф пакет бурого риса. И застыла на полпути, уставившись на прядь светло-каштановых волос Фионы, почти как у меня. *Камера. Ночная вылазка с Грейс и Тримом, когда меня загребли в полицию. Ночь в поезде с кончеными алкашами, когда я сбежала. Воспоминания вихрем кружились в голове. Тот день с мамой и Дэнни в небесном доме...*

Коробка памяти захлопнулась. Фиона заправила волосы за ухо. Я бросила пакет с рисом на полку и быстро прошла мимо нее, вон из кухни.

Ничего не сказав, как будто она ни о чем и не спрашивала.

– Холли? – окликнула меня Фиона. И крикнула что-то про мандарин, оставленный на столе.

Но я уже бежала вверх по лестнице.

Я подумала, что стоит еще раз взглянуть на Солас, спрятанную под подушкой.

7. Еще больше понтов

Шли зимние месяцы, и я чувствовала себя замороженной посреди всеобщей суеты. О том, что время идет вперед, я знала только по дорожным часам, что стояли на каминной полке в доме Олдриджей. В причудливом золотом коробе, они отбивали каждый час мелодичным звоном и продолжали свой медленный ход, как будто пробиваясь сквозь вату жизни.

Фиона продолжала работать три дня в неделю. Она обучала чтению детей с задержкой развития и вечно говорила о книгах, удивляясь, почему у меня их нет. В этом она была похожа на Майко. Тот порой заламывал руки и умолял нас: *«Идите, почитайте книжку или еще что-нибудь, ребята»*, – и это было все равно, что просить нас слетать на Марс. Фióне я ответила, что у меня есть журналы и они лучше книг, потому что книги скучные. Фиона же заполонила книгами весь дом, и они лезли из каждой щели. Я никогда не видела так много книг. Они наводили на меня ужас, потому что напоминали о школе.

Школа была адом. А преподавы – его слугами, все до единого. Больше всех лютовала миссис Аткинс, учительница английского. Я пришла в класс как раз в то время, когда ученики начинали читать «Джейн Эйр» и заканчивали «военных поэтов» – тех давно ушедших солдат, которые считали войну пустой тратой времени. Все они тянули одну и ту же песню о колючей проволоке, газовых атаках и погибших приятелях.

– Холли, – обратилась ко мне миссис Аткинс однажды во время урока. – Ты меня слушаешь?

– Да, миссис.

Меня усадили в сторонке, одну за партой. В классе английского оказалось нечетное количество учеников, и поскольку парты были расставлены парами, Маленькая Мисс Новенькая выделялась, как слоненок Дамбо.

– О чем я только что говорила?

– Какие великие эти военные поэты и все такое.

– Но что *именно* я сказала, Холли?

Я скривилась.

– Ах да. Самое замечательное в военных поэтах – то, что все они уже на том свете, мисс.

Класс взорвался смехом. Миссис Аткинс выглядела так, будто я ударила ее ножом в глаз.

– Очень смешно. Смешнее не бывает. Обратимся к нашей новой книге, «Джейн Эйр», Холли. Ее автора тоже нет в живых, и ты, несомненно, будешь в восторге от этой новости. Пожалуйста, читай с самого начала.

Я взяла книгу в мягкой обложке, изображающей женщину в старомодном длинном платье среди деревьев, и подумала: *«Боже, только не это. Еще одна куча старого дерьма»*. Книга открывалась длинным предисловием, и класс хихикал, пока я листала страницы в поисках начала. «В тот день нечего было и думать о прогулке», – прочитала я со своим самым занудным акцентом кокни⁷. Это всех убило. Так что я продолжала бубнить про дождь, посиделки на подоконнике, книгу о жизни птиц и прочую хрень и, когда добралась до того места, где негодник-кузен Джон запускает в героиню книгой, даже обрадовалась, потому что с такими нытиками, как Джейн, иначе нельзя. Миссис Аткинс попросила меня остановиться, потому что у нее уже отваливались уши и весь класс хохотал, а меня так и подмывало запустить этой чертовой книгой в миссис Аткинс, но прозвенел звонок, и я не успела осуществить свой замысел.

Чуть позже, тем же утром, мне досталось от главной заводилы, пижонки Каруны. Взгрозившись на стул, она стала читать книгу, коверкая текст и подделывая мой акцент, а потом

⁷ Кокни – тип лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения.

спрыгнула на пол и заявила, что у нее отваливаются уши, и весь класс снова заржал. Она выхватила у меня из рук чек на обед и зачитала его вслух. Я попыталась вырвать его, но было слишком поздно. Она узнала, что я не такая, как все. На одной стороне чека значилась моя фамилия, Хоган, а на другой стояла подпись Фионы – Олдридж. Каруна объявила на весь класс, что я – приемыш. Я схватила ее за шею, с силой дернула за густые светлые волосы, и она завизжала, а тут как раз вошел мистер Престон, и меня чуть не исключили из школы. Он отправил меня к директору, и тот сказал, что моя следующая выходка станет последней. Когда я вернулась в класс, мистер Престон заставил меня извиниться перед Каруной на глазах у всех.

– *Извиниши, Каррууууна.* – Я придала своему голосу самый сиропный оттенок.

Наши взгляды сцепились, и в них читалось: «*Мы с тобой одного поля ягоды*». Я невольно улыбнулась, и она усмехнулась в ответ. Одним словом, мы друг друга стоили. На перемене она угостила меня сигаретой, и мы обменялись номерами мобильных. Впрочем, на следующий день она меня уже не замечала, потому что ее приятель Люк вернулся с Тенерифе. Понятия не имею, чем он там занимался, но следов загара я на нем не увидела. Так мой статус опять понизился до Маленькой Мисс Новенькой. В общем, школа стала нескончаемой чертовой мессой, которую нельзя пропустить, как говорила когда-то мама.

По вечерам я возвращалась домой и заваливалась на диван с пультом от телевизора и пиццей. Я спросила Фиону, можно ли поставить телевизор в мою комнату, и она ответила отказом.

– У всех в школе есть свой телевизор, – возразила я.

– Мы не все.

Лассо скользнуло.

«*Бесплодка*», – мысленно ругнулась я.

– Но...

– Ладно, ладно, я подумаю. – Может, она позвонила Рейчел, или дело в чем-то другом, но на следующий день мне разрешили обзавестись маленьким телеком. С условием, что я буду еженедельно выплачивать за него какую-то сумму из своих карманных денег и выключать до начала ночного выпуска новостей. Я согласилась.

У меня никогда раньше не было телевизора в комнате. Как и модного мобильного – мини-атюрного, легкого, с оплатой по факту. Фиона раскошелилась, потому что мой старый сломался. Я тотчас отправила сообщение Триму и Грейс, чтобы они знали мой новый номер: «КАК ВЫ? ЗДЕСЬ КРУТО. ЛЮБЛЮ. Х».

Только никакой крутизны здесь и не пахло.

Кто-то решил бы, что я уже в раю с этой шикарной комнатой, мобильником, телевизором. Чего еще может желать ребенок из приюта? И тем не менее все это казалось неправильным. Я чувствовала себя паршивой овцой в доме Олдриджей, наркоманом в классе йоги.

Взять хотя бы сигареты.

Я не сказала Фионе и Рэю, что курю. Таким чистюлям этого не понять. Так что приходилось дымить в открытое окно, запираясь в своей комнате.

Однажды в субботу Рэй нашел мой окурочек.

– Эй, Холли!

Он возился в саду, а у меня было приоткрыто окно. Я высунула нос. Воздух дрожал, как будто предчувствуя что-то недоброе. Рэй улыбался мне снизу. Так обычно улыбаются застигнутые врасплох.

– Что?

Он поднял темный окурочек и покрутил его в пальцах, как бумажный зонтик для коктейля.

– Это твое?

– Не-а. Я здесь ни при чем.

– Может, ветром занесло?

– Да, точно, – подхватила я. – Наверняка ветер. Такие порывы налетают, с ума сойти.

Он покачал головой, как будто мир – грустное место, и бросил окурок в контейнер с садовым мусором.

– Знаешь, я ведь сам курил, – сказал он, вооружаясь ножницами для стрижки живой изгороди.

– Да ну?

– Было дело. Но я понял, что это игра для дураков. Поэтому бросил.

Он начал стрижку. Щелк-щелк.

Щелканье ножницами затянулось на целый день. Я закрыла окно и задернула шторы для большего уединения. Сейчас я могла бы убить за сигарету. Но у меня не было ни пенса, потому что почти все мои карманные деньги уходили на оплату телевизора. Поэтому я выкурила воображаемую сигарету и стала играть в няшку Солас. Накрасила ногти ярко-красным лаком и начала кривляться перед зеркалом в парике, топе от бикини и ультракороткой юбке. Моя мама когда-то танцевала во всех лучших клубах Мейфэйра и имела успех. У нее был обтягивающий костюм с блестками и страусовыми перьями. Я не сомневалась в том, что она и сейчас зажигает, теперь уже в Ирландии, в каком-нибудь шикарном местечке, где все на нее таращатся и пускают слюни. Скоро и я вернусь туда, в Ирландию, откуда начинался наш с мамой путь, и присоединюсь к ней на сцене, и мы будем выступать дуэтом.

Если спросить меня, помню ли я Ирландию, то я отвечу, что она до сих пор как картина, залитая дождем. Мне было пять лет, когда мы отправились морем в Англию. В памяти всплывают какие-то фрагменты. Жужжащая муха над желтым абажуром; смех, доносящийся из другой комнаты; высокий шпиль и чуть дальше мост, откуда я бросала палки в черную реку.

И там сейчас жила мама. Она там, а я здесь, и это казалось ошибкой. Ей пришлось спешно покинуть Англию, и она хотела послать за мной, но не успела, потому что пришли социальные службы и забрали меня, и теперь она не знает, где меня искать. Мой грандиозный план состоял в том, чтобы вернуться в Ирландию и самой разыскать маму. Я знала, что увижу ее на рекламном щите в облегающем танцевальном костюме, все там же, в Корке, нашем родном городе. Танцую в парике, который делал меня старше, я как будто на шаг приближалась к маме. *Я иду, мамочка. Шаг-поворот, шаг-поворот. Где бы ты ни была, я найду тебя.* Щелк-щелк, подтверждали ножницы Рэя. И тут свет изменился, и парик заблестел. Оконная рама задрожала под натиском урагана.

Я улынулась, приветствуя град как знамение.

«Представь себе ветер, бьющий в лицо, девочка, – напевала я про себя. – Представь себе взгляды мужчин. Легковушки и грузовики, летящие по дорогам; поля, зеленые холмы и маленькие городки, проносящиеся мимо. Представь себе Ирландию, глупых собак, мокрые от дождя тротуары и людей, танцующих ночь напролет в барах, где не смолкают музыка и смех.

Представь себе свободу, Холли. Только представь».

8. Ох уж эти костеры

Вскоре с визитом нагрянула Рейчел – проверить, прижилась ли я в новом доме. Мы рас-
селись в гостиной на двух массивных диванах под странным светильником, что нависал над
низким столиком. Своими восемью перекрученными щупальцами, удерживающими крошеч-
ные лампочки, он напоминал сумасшедшего осьминога. На каминной полке тикали дорож-
ные часы. Фиона, Рэй и Рейчел пили чай из чашек, аккуратно расставленных на подставках
из рафии, которые Фиона почему-то называла костерами. Мой стакан с колой тоже стоял на
таком костере. Фиона весело болтала, как будто мы жили счастливой семьей. Она ни словом
не обмолвилась о той стычке, когда я назвала ее Бесплодкой.

– Ты счастлива, Холли? – спросила Рейчел.

– Да. Все хорошо, – сказала я.

– Скучаешь по Дому?

– Не-а.

– Майко ушел оттуда. Ты знала?

Я не должна была удивляться, но удивилась.

– Ушел?

– У него новая работа, с малолетними преступниками. Он перебрался в Северный Лон-
дон, это через реку, в сторону Финчли.

Я представила себе, как Майко уплывает от меня навсегда, потому что правила диктуют
прекращение всяких контактов. Прощайте, веселые байки о сумасшедшей ирландской семье в
графстве Майо, спаси господи, о тысяче и одном кузене, о тех временах, когда он скитался по
Франции. Прощайте, выбитый передний зуб и бритая голова, мастерские обводки в футболе,
которым он обучал Трима. Теперь Майко будет жонглировать и играть на гитаре для кучки
тупых хулиганов, которые при первой же возможности набьют ему морду.

– Хочешь передать ему весточку? – предложила Рейчел.

– Весточку?

– Ну, скажем, пожелать удачи на новой работе или что-то в этом роде? Вы ведь были
друзьями, не так ли?

– Наверное.

– Значит, тебе есть что сказать ему?

Я пожала плечами. Фиона спросила, не хочу ли я еще колы. Я кивнула, и она ушла на
кухню. Повисло молчание. Рэй поинтересовался у Рейчел, откуда она родом, не из этих ли
мест. Я втянула щеку и принялась вычерчивать спираль на кремовом ковре мыском кроссовка.
Темплтон-хаус съеживался с каждым витком. Грейс, Трим и Майко стали тремя размытыми
точками, а годы, проведенные там, – сном, который больше никогда не повторится. Я видела,
как Майко уходит на север по мосту через реку, и Биг-Бен провожает его колокольным звоном.
Перед глазами возникла Грейс, разучивающая легкую походку, чтобы стать супермоделью. И
Трим, будущий миллионер, мечтающий открыть сеть казино. Грейс и Трим, неисправимые
фантазеры и мои верные друзья, ни разу даже не написали мне. И Майко не прислал открытку,
чтобы попрощаться. Фиона вернулась с напитком. Я встала и промчалась мимо нее, ничего
не сказав.

Поднявшись к себе, я надела парик Солас. Причесалась, и мама снова появилась в зер-
кале, умоляя меня не останавливаться, ради всей Ирландии, и клянусь, я слышала, как в небес-
ном доме поднимался лифт, чтобы забрать ее на ночную работу. Он гудел, преодолевая этаж
за этажом, пока не остановился.

– Холли?

Это Фиона стучалась в мою дверь.

– Рейчел ушла. Она просила сказать тебе «до свидания». Ты в порядке?

– Да.

– Ты что-то затихла.

– Да.

– Можно мне войти?

Я спрятала парик под подушку и легла на кровать, прижимая Розабель к животу.

– Наверное.

Из-за двери выглянуло ее лицо, бледное и улыбающееся.

– Ты так уютно устроилась.

– Да.

– Холли, с тобой все в порядке? *Правда?*

– Все хорошо.

– Только ты выглядишь так, будто плакала.

Я теребила уши Розабель.

– Мы тут с Рэем подумали... Не хочешь навестить Темплтон-хаус? Рэй сказал, что ответит тебя. Может, в следующий уик-энд?

Я пожала плечами, как будто мне все равно. С другой стороны, неплохо бы повидаться с Грейс и Тримом, как в старые добрые времена. Я подумала о том, что скажет Грейс о моем новом джемпере на молнии. Наверное, погладит свою лебединую шею супермодели и посоветует расстегнуть молнию. А Трим отработает на мне новые приемы тхэквондо.

– Ладно. Как скажешь, Фиона.

Она усмехнулась.

– Отлично, Холл. Пойду, обрадую Рэя. – Она закрыла за собой дверь.

Холл?

Только *мама* называла меня так.

Я с силой запустила плюшевой Розабель в дверь, где только что маячило лицо Фионы.

Но в следующие выходные она вспомнила об обещании, и Рэй отвез меня на другой конец боро.

Темплтон-хаус как будто не изменился, но все же стал чужим. Тот же запах, но другие люди. Без Майко он словно опустел. Грейс хлопала ресницами, гладила свою модельную шею и рассказывала о новой подруге, Эш. Эш то, Эш сё. Голос звучал как-то неестественно, и она смеялась без причины, и я подумала, уж не накурилась ли она травки. Она начала баловаться этим незадолго до моего отъезда.

– Где Трим, Грейс? – спросила я.

– Трим? Как всегда, в камере. Где ж еще, черт возьми. Ему там самое место.

– Почему? Что он опять натворил?

– Резал шины на автомобилях или что-то вроде того. Какая разница? И кого это волнует? Мы с Тримом уже история, – бубнила она и снова засмеялась.

Я хотела заглянуть в свою бывшую комнату, посмотреть, висят ли еще на окне золотые шторы, но теперь там жила Эш. Пожалуй, лучше было бы сказать, что меня ждет приемный отец и я не могу остаться надолго.

– Пока, Грейс, – бросила я.

Она уставилась на свои ногти, как будто только что сделала маникюр. Я заметила изрезанную кутикулу. Грейс ковыряла ее маникюрными ножницами, отвлекаясь только на то, чтобы погладить шею.

– Увидимся, Грейс. – Я подошла ближе, заметив, что ее глаза как будто наполнились слезами. Мне захотелось потрогать ее красивые косы, но я не посмела. – Грейс?

– Ты ведьма, Холли, – со злостью прошипела она.

– Ведьма? Я?

– Да, ты. Ты и твоя новая приемная семья. Чертова ведьма-корова. Так сказал Трим перед тем, как его забрали.

– Я не ведьма.

– Не спорь.

Я пожала плечами.

– Приемная семья. Не так уж это и здорово, Грейс.

– Нет?

– Нет.

– Это почему же?

– Не знаю. Уж очень они суетятся.

– Суетятся?

– Да. И брюзжат.

– Брюзжат?

– Целыми днями. Все пилят, пилят.

– За что?

– Ну, скажем, что я ставлю посуду прямо на стол, не подкладывая коврик.

Грейс сморщила нос.

– Коврик?

– Ну, ты знаешь. Чтобы не оставлять пятен на столе. Только они называют их костерами.

– Костерами?

– Да. Так принято у аристократов.

– *Кооостеры*, – нараспев произнесла она, и я рассмеялась. Дрогнули ее ресницы. – Расстегни молнию, Холли. Ты как чертова монахиня, застегнутая на все пуговицы.

Я расстегнула молнию чуть ли не до лифчика.

– Мистер и миссис Кооостер, – не унималась она, и мы обе хохотали до упаду.

– Значит, там не так хорошо, как здесь? – Грейс обвела руками комнату.

– Не-а. Никакого сравнения.

– Так почему бы тебе не вернуться?

Я шумно выдохнула.

– Теперь Эш живет в моей комнате. Не забыла?

– Ах да. Эш. И что?

– Я бы не хотела делить комнату ни с какой Эш.

– Эш здесь лишь временно.

Я теребила застежку молнии, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, когда она уйдет, может, я и вернусь.

– Ха. Врешь ты все. – Она это знала, как знала и я. Темплтон-хаус был односторонним турникетом. – Ты не вернешься, Холли. Уж поверь мне. Ты ведьма и корова. – Она вдруг прыгнула с дивана и выскочила за дверь, прежде чем я успела ответить. Ее смуглые широкие плечи в укороченном топе сотрясались, но я не могла понять, смеется она или плачет.

– Грейс, – крикнула я. – Не уходи.

Дверь захлопнулась за ней. Грейс покинула меня, навсегда стирая прошлое.

– Грейс? – расплакалась я. – Пожалуйста. Вернись.

Тишина.

«Сама ты ведьма и корова», – подумала я и пнула ногой стул. Я оглядела до боли знакомую комнату, вспоминая, как мы дрались за пульт, выбирая, что смотреть по телевизору, а Трим бредил «Титаником». Телевизор работал, но без звука, и дикторша в унылом прикиде могита вещала о погоде, тыча указкой в карту Англии. На ее лице застыла фальшивая улыбка, какой вечно сияют синоптики, особенно если надвигается дождь, как те черные облака, что

маячили сейчас на карте. Я нашла пульт и выключила телевизор. А потом запихнула пульт под диван, чтобы никто его не нашел.

Будет вам уроком, подумала я.

«Если Рэй и Фиона вернут меня обратно, я покончу с собой», – мысленно пообещала я.

Я попрощалась с комнатой отдыха и вышла из дома – больше прощаться было не с кем. Я шагала по шербоатой дорожке, зарастающей сорняками, и лассо гнева уже летело, потому что мне хотелось сжечь это место дотла.

Я села в машину Рэя и всю обратную дорогу смотрела в боковое окно. Не хотела, чтобы Рэй видел мои глаза, полные слез. Он поставил запись какой-то странной группы, которую я никогда не слышала, и подпевал. Музыка, мягкая и мечтательная, сопровождала рассказ женщины о том, как парень кружит на самолете, выписывая в небе ее имя.

– Ну, Холли, – заговорил он, когда смолкли последние аккорды. – Какие впечатления?

Я не знала, что он имеет в виду – песню или дом. Эмоции вырвались наружу горькими рыданиями, и я не могла остановиться. Я думала о том, как могли бы сиять в небе буквы моего имени, сложенные из облаков, и тогда Майко увидел бы их из своего Северного Лондона и, возможно, вспомнил обо мне. Я больше не могла держать это в себе. Краска на лице растеклась, превратив меня в пугало. Рэй остановил машину. Он нашел носовой платок и протянул его мне, но ничего не сказал. Я чувствовала, что он ждет, пока я успокоюсь.

– Хм, Холли, – буркнул он немного погодя. – Что, все так плохо?

Это едва не вызвало новую истерику, но он завел машину и поехал дальше, а я проглотила боль, и она улеглась тяжестью у меня в животе, словно после сытного ужина. Больше он не произнес ни слова. Я хотела умереть со стыда. Проклинала Грейс и Трима, проклинала Майко, дом и социальную службу. Потом переключилась на Олдриджей и Рейчел. Наконец добралась и до себя, заодно проклиная и песню, и чертовы костеры, и все, что видела из окна машины. Когда начался проливной дождь, на душе стало легче.

9. Утешение в дороге

В ту ночь я стащила у Рэя карту дорог Британии и принесла ее в свою комнату. *Пора стать серьезной, девочка.* Я изучила все дороги, ведущие из Лондона на север, юг, восток и запад, и отыскала одну, длинной плутающей змейкой уходящую на запад. Некоторые дороги соединялись с другими и обрывались. Не то что эта, А40. Оксфорд. Челтнем. Мои пальцы скользили по маршруту, вычерченному на карте. Дорога шла через Уэльс. Абергавенни. Лландовери. Лландейло. Кармартен. Я называла имена, хотя и не знала толком, как они произносятся. Лан-дей-лоу. Ландо-вери. Дорога выходила к морю в местечке под названием Фишгард. Затем пунктирная линия продолжалась по морю, обозначая паромную переправу. На побережье Ирландии, у самого края страницы, пунктир врезался в порт Рослэр.

Я представила себя на холме у Фишгарда, где пасутся овцы. Внизу расстилались квадраты полей, засеянных высокими культурами. А за ними открывалась бесконечная синяя даль. Море. И белые парусники устремлялись на запад, в Ирландию.

Я нацепила парик и мысленно увидела Солас на трассе А40 – «А», конечно же, обозначала «авантюру». Парик поблескивал в лучах заката. Неукротимая Солас, острая на язык, гламурная девчонка, шагала по дороге, голосуя большим пальцем одной руки, с сигаретой в другой руке. Я пересекала море и высаживалась в Ирландии. И вот уже поднималась на холм, навстречу маме, упиваясь утренним воздухом. Это было подобно прогулке под шелковым дождем. Сумасшедшие ирландские собаки приветствовали меня звонким лаем, запрыгивая на колени. Вот каким я представляла свой первый сладкий день на том берегу, где трава зеленее. В ту ночь и каждую ночь в течение нескольких недель я путешествовала по намеченному маршруту.

10. Утюг

Настало лето, прежде чем я осуществила свою мечту. Жарким июньским утром накануне моего дня рождения я открыла окно и вдохнула свежий чистый воздух. Фиолетово-сизые крыши окрестных домов блестели на ярком солнце.

В такой день трудно усидеть дома.

Внизу Рэй в спешке собирался на работу, явно опаздывая, а Фиона гладила ему рубашку. Рэй мельтешил на кухне, подгонял жену, а я, в наушниках, сидела перед миской с хлопьями. Фиона и Рэй редко ругались, потому что Рэй вечно пропадал на работе, а когда бывал дома, больше помалкивал. Фиона жаловалась, что спорить с ним – все равно что спорить с вешалкой. Но в то утро они сцепились не на шутку. Я видела, как он размахивает руками, словно утопающий. Он выхватил рубашку, прежде чем Фиона успела ее отутюжить. Заинтригованная, я даже сняла наушники.

– Я же еще не закончила, – огрызнулась Фиона.

– Все в порядке, Фи. Я опаздываю.

– Но рукава мятые.

– Надену пиджак. Никто не увидит. – Он стащил рубашку с гладильной доски.

– На работе душегубка. Ты же не сможешь сидеть в пиджаке.

– У нас в офисе кондиционер.

– Обычно ты не надеваешь пиджак.

– У меня важная встреча.

– Встреча?

– Да, Фи. Вроде того. На самом деле – собеседование.

– Собеседование? Какое еще собеседование?

Рэй пожал плечами, надевая мятую рубашку.

– Просто беседа, ничего...

– *Что* за собеседование?

– Насчет работы.

– Какой работы? Где?

– В нашей же компании. Только в северном офисе...

– *Северном офисе?* – взвизгнула Фиона.

Я подумала о Майко, который тоже отправился на север. Может, и Рэй собирается следом за ним?

– Ты мне ничего не говорил, – закричала Фиона. – Даже не посоветовался со мной.

– Это всего лишь...

Фиона грохнула утюгом и унеслась с кухни. Только она неправильно поставила утюг, и он упал с доски, чуть не приземлившись Рэю на ногу. У меня в голове что-то щелкнуло. Я застыла на месте. Рэй подпрыгнул, потом увидел, что я за ним наблюдаю, и улыбнулся так, словно мы с ним оказались по одну сторону баррикад, а утюг и Фиона – по другую. Я отключила мозг и снова надела наушники, врубив громкую музыку. Отодвинув миску с хлопьями, я побежала наверх, и мое сердце отстукивало *бум-ди-ди-бум* в такт оглушительным аккордам *Storm Alert*.

В утюге я увидела знак.

Фиона спускалась вниз, мне навстречу.

– Что за спешка? – запричитала она. – Почему все такие дерганные сегодня?

Я пожала плечами. У себя в комнате я надела школьную форму, снова спустилась вниз и направилась к двери. Мысли бежали впереди, взбудораженные новым планом.

– Пока, Фиона, – крикнула я как ни в чем не бывало.

Может быть, это прозвучало слишком громко, потому что я была в наушниках. Фиона стояла в холле и, кажется, что-то говорила.

– Что, Фиона? – Я приподняла наушники.

– Я так и *думала*, что ты не слышишь меня в наушниках. Как будто со стеной разговариваю. – Она подошла ко мне.

Лассо полетело.

– Послушай, Холл, – начала она.

Бомба готовилась к взрыву.

– Я просто хотела сказать, что сегодня задержусь и буду поздно, – пробормотала Фиона. – У тебя с собой ключи?

– Да.

– Мне нужно будет кое-что сделать для одного очень важного человека. Так что, как придешь, приготовь себе сэндвич. Я буду дома к шести или около того.

Я кивнула, снова надевая наушники. Она как-то странно улыбнулась, встречаясь со мной взглядом.

– Пока, Фиона, – сказала я и вышла за дверь.

Чтобы добраться до школы, мне нужно было пересечь общую территорию и сесть на автобус. Но в то утро я рванула напрямик к пруду. Там я села на сломанную скамейку и замерла в ожидании. Мои руки побелели и дрожали при мысли о горячем железе, приземлившемся у ног Рэя, и я слышала, как шипел утюг, как бывает, когда плеснешь водой на раскаленную поверхность. Вот и в моем мозгу что-то шипело. Дышала я с трудом, как будто на голову надели целлофановый пакет. Только воздух и зеленая трава спасли меня от удушья в тот день на скамейке. Солнце светило так ярко, что слепило глаза. Я зажмурилась, потому что ко мне возвращался дом в небесах с голосами Дэнни и мамы, они звучали все громче и злее. Утки в пруду тоже крикали и кусали друг друга. Весь мир погрузился в скандал, и я застряла где-то посередине.

«Эти Олдриджи меня доконают, – думала я. – Они совсем не мои люди. Мне нужно выбираться отсюда. Немедленно».

Я снова увидела Майко: бритоголовый и ухмыляющийся, он шагал по пыльному шоссе, выставив руку с оттопыренным большим пальцем, добираясь автостопом из одного конца Франции в другой. Картинка сменилась: перед глазами возникла А40, бегущая через всю Англию, как река к морю.

«А» значит «авантюра», – подумала я.

И улыбнулась. Я вернулась по траве тем же путем, каким пришла, нащупывая в кармане ключ от дома на Меркуция-роуд.

Хватит с меня школьного ада. Хватит с меня Тутинга с его понтами. Хватит с меня Рейчел с ее визитами, правилами и отчетами. Мне все это до смерти надоело. Отныне существовали только я и парик, и вместе мы составляли девушку по имени Солас. Солас собиралась в дорогу. Сегодня же.

В последний раз я сбегала спонтанно, с пустыми руками. Но больше не хотела повторять эту ошибку.

Я открыла дверь дома 22 по Меркуция-роуд своим ключом. Фиона уже ушла учить детей, Рэй отправился в свой офис, где могилы занимались планами, зданиями и прочим занудством. Я закрыла за собой входную дверь. Холл встретил меня унынием зала ожидания. Тишина стояла гробовая. Мне не терпелось поскорее уйти, но надо было забрать свои вещи, не говоря уже о парике. На этот раз я убегала серьезно. У меня был план.

Я поднялась вверх и достала свой лучший рюкзак из кожи ящерицы. Туда я сложила:

зубную щетку;
наушники;
губную помаду;

три любимых компакт-диска;
мобильник.

Я подошла к каминной полке и достала из шкатулки мамино янтарное кольцо. Золотисто-коричневого цвета, в форме старомодного надгробия, оно служило мне талисманом удачи. Внутри чернело пятнышко, похожее на застрявшего жучка. Майко сказал мне, что это ископаемое из давно ушедшего мира, запертое там навсегда. *«Такое кольцо у тебя с пальцем отрубят, Холл»*, – эхом отозвался у меня в голове мамин голос. Я улыбнулась и спрятала его в потайном кармане на молнии в рюкзаке.

Потом я сняла Розабель с подушки. Погладила ее истрепанные уши.

– Ггав!

Как ни прискорбно, но Розабель не могла пойти со мной. Слишком большая, она бы не поместилась в рюкзак. К тому же в парике я выглядела на 17, а не на 14 лет – старовата, чтобы таскать с собой игрушечную собаку. Я положила ее обратно на кровать, и она уткнулась черным пластиковым носом в передние лапы.

Я переделалась, выбрав лучшие шмотки, включая новый топ и кроссовки.

Затем я обошла дом в поисках денег. У меня в кошельке было шесть фунтов. Пятифунтовую бумажку я нашла в одном из пиджаков Рэя, да еще вытрясла кучу мелочи из карманов его брюк. Он все равно не заметит, решила я. Так у меня набралось 19 фунтов. Потом я достала атлас дорог и чуть ли не с корнем выдрала страницы, на которых была обозначена А40. И тут меня осенило: *«Вот тупица. Они сразу догадаются, куда ты отправилась, если оставить атлас в таком виде»*. Поэтому я захватила всю книжку, решив, что избавлюсь от лишнего по дороге.

На кухне так и стояла гладильная доска с утюгом. Перед глазами повисла пелена. Сквозь нее пробивался тусклый белесый свет, как будто еще немного – и взорвется лампочка. «Пора, мистер и миссис Бесплодки», – отчеканила я. И вернулась в гостиную, где не было никаких гостей, только я и тикающие дорожные часы, да костеры на столике. Больше никто и никогда не запретит мне ставить кружку прямо на стол, как будто кофейные кольца – это грех, подумала я.

Неужели я действительно собиралась уйти?

Да.

Мой последний побег привел меня за решетку.

На этот раз я отправляюсь в совершенно новую жизнь, в новой стране. Без чьей-либо помощи, на свой страх и риск.

Наконец я надела парик. Над дорожными часами висело зеркало в позолоченной раме. Я опустила голову, и мои жидкие каштановые волосы исчезли под сеточкой парика. Я разбросала белокурые пряди, прикрывая уши и виски, и подняла глаза. Из зеркала на меня смотрел шетлендский пони. Челка висела слишком низко. Я зачесала ее назад и слегка растрепала, после чего накрашила губы розовой помадой. Вот вам и гламурная дива. Девушка в дороге. Твой выход, Солас.

Я надула губы. Послала самой себе воздушный поцелуй. Похлопала ресницами. Солас – та еще штучка. Ей плевать, что думают другие. Ей все до лампочки. У нее куча друзей, разбросанных по всей Ирландии. Ей есть куда пойти. Порхая, как ветерок, я написала записку.

Дорогие Фиона и Рэй, я уехала на Тенерифе работать в клубе моего приятеля Дрю, который прислал мне билеты и все такое, так что не вздумайте меня искать. Прощайте, и спасибо за все, Холли.

Я перечитала записку и добавила знак поцелуя в виде буквы «Х». Потом аккуратно положила ключ поверх записки. Вышла из дома. С рюкзачком из кожи ящерицы за спиной, воображаемой сигаретой в правой руке и копной белокурых волос. Передо мной расстилалась дорога, и она принадлежала только мне.

11. Подземка

Я спустилась по семи ступенькам вниз, вышла на улицу и решительно двинулась вперед. Длинные худые конечности добавляли моей походке расслабленности, а с белокурыми волосами, гладкими и сияющими, как будто только что из парикмахерской, я выглядела на миллион.

На Меркуция-роуд существовало негласное правило, что дверь вашего дома должна отличаться от двух соседних. Так они и чередовались: красная, голубая, черная, темно-серая, снова черная. Два одинаковых цвета никогда не встречались рядом. Если бы это зависело от меня, я бы покрасила все в ярко-розовый. Подъемные окна провожали меня взглядами. Руки чесались поднять камень и швырнуть его в стекло, но я вспомнила, что нахожусь в бегах, поэтому просто свернула на главную улицу и направилась к подземке. Мой план состоял в том, чтобы купить билет и отправиться как можно дальше на запад. Каждый дурак знает, что из города автостопом не уехать. Помню, Майко рассказывал, что во Франции он никогда не ловил машину в городе, потому что городские видят в каждом незнакомце убийцу с топором и никогда не останавливаются. Значит, мне нужно было добраться до лондонских окраин.

Горячий затхлый воздух ударил в нос, когда я спустилась на станцию. Этот запах напомнил мне о наших воскресных вылазках с Грейс и Тримом. Но сегодня это был запах свободы, ее первый вестник.

Люди, поезда и эскалаторы создавали оглушительный шум.

– Детский билет, – крикнула я кассиру в окошке.

– По мне, так ты не похожа на ребенка.

Я растерянно уставилась на него. Такого раньше не случалось. И тут я вспомнила про парик. Он же добавил мне года три. Стало быть, теперь мне 17, а не 14.

– Мне меньше 16, – закричала я. – Честное слово.

– Расскажи это кому-нибудь другому, – хохотнул кассир и незаметно подмигнул мне.

Потом постучал по своей машинке, и оттуда вылетела карточка, а я передала ему деньги. Он пересчитал монеты и кивнул.

Я спустилась по эскалатору, улыбаясь так, будто выиграла конкурс красоты. *«Расскажи это кому-нибудь другому, детка»*, – напевала я, довольная собой. Но вдруг хлынул порыв воздуха и едва не унес мой парик. Я вовремя прижала его свободной рукой и расхохоталась, как недоумок, выпущенный на волю. Привыкай к свободе, девочка, напомнил мне ветер подземки.

Я сразу же села на поезд, идущий через «Чаринг-Кросс». «Балхэм». «Клэпхэм Саут». Поезд несся на север, извиваясь на поворотах, издавая отвратительный скрип, как будто скребли ногтем по доске. В вагоне пахло маслом, горелыми спичками и потными телами. После часа пик повсюду валялись газеты. Рэй, наверное, проследовал этим же маршрутом чуть раньше. Я представила его, держащимся за поручень, с пустым и усталым лицом, каким он бывает по вечерам. Его только что выглаженная рубашка наверняка снова помялась. Собеседование по поводу северного офиса? До меня вдруг дошло, что речь шла вовсе не о Северном Лондоне, как в случае Майко, подавшегося в сторону Финчли, потому что Рэй и так работал на том берегу реки. Он имел в виду север страны. Это означало, что, если бы он получил работу, они бы с Фионой уехали из Лондона, и что стало бы со мной? Вот именно. Я закусила губу. Как хорошо, что я сбежала. Мне вдруг показалось, что я слышу голос Рэя, как будто он сидит рядом со мной. *Твое имя сделано из облака, Холли*. Я тряхнула головой и огляделась. Никого. Только мужик в рваных джинсах и с татуировками на руках пялился на меня. Лысый, с толстыми щеками и серой щетиной. Ему не хватало только топора. Поэтому я уставилась на свои кроссовки, как на карту сокровищ. Он процедил какое-то ругательство, и я покосилась на аварийный шнур, когда поезд остановился на следующей станции.

«Клэпхэм Коммон». В вагон ввалилась целая толпа. Чему я несказанно обрадовалась.

«Клэпхэм Норт». Я ездила этим маршрутом, когда мы с Фионой отправились на шопинг, и еще раньше, во время наших воскресных вылазок с Тримом и Грейс. Мы покупали напитки и сигареты и дурачились на платформах. Трим изображал армейского капрала и вытягивался по стойке «смирно». Потом колотил палкой по верхним фонарям, как будто они рядовые под его командованием. Грейс заваливалась на скамейки, как наркоманка на грани смерти. Я вчитывалась в мелкий шрифт на рекламных объявлениях, где говорилось, что вы можете с одинаковым успехом и потерять все свои деньги, и удвоить их количество. Другими словами, не ведитесь на то, о чем пишут крупным шрифтом, если у вас есть мозги. В общем, типичное дерьмо для могитов. Нам было чертовски скучно. Иногда мы попадали в совершенно незнакомые места вроде «Дагенхэм Хитуэй». Я представляла себе кинжалы, общинные владения, грабителей и заросли ежевики, но там оказывались лишь дороги, грузовики и морось. При дневном свете от этого зрелища раскалывалась голова, так что мы опять спускались под землю и садились на другую ветку.

«Ватерлоо». Судя по карте, после «Ватерлоо» поезд шел по дну реки. При мысли о том, что над головой толща тяжелой грязной воды, мне стало не по себе. Что, если вода прорвется в туннель, вызовет короткое замыкание, поезд взорвется, и все утонут или сгорят, или и то и другое? Я прижала пальцы к вискам, отчасти чтобы проверить парик, отчасти чтобы выбить из головы дурные мысли. Я закрыла глаза и притворилась, будто жую жвачку. Но как бы я ни работала челюстями, это не помогло. Мне казалось, что я теряю сознание. Пришлось открыть глаза. Парень с татуировками все так же таращился на меня. Я *должна* выбраться отсюда. Немедленно. Схватив рюкзак, я протиснулась к двери.

Парень с татуировками теперь мурлыкал ругательства себе под нос.

Я тонула в море чужих рук, тел и несвежего дыхания.

Набережная. Двери открылись, и я выскочила на платформу. Я пробиралась сквозь толпы и придерживала парик, пока ехала на эскалаторе. Наверху я зашла в магазин, чтобы купить сигареты, но там тоже была давка, поэтому я выбралась на улицу и вдохнула свежий воздух.

Я оказалась рядом с цветочным ларьком.

– С вами все в порядке? – встревожился продавец.

Я вздрогнула.

– Да, спасибо. Лучше не бывает. – Я показала на высокие фиолетовые цветы с желтыми сердцевинками. – Сколько?

– Ирисы? Для тебя, милая, два фунта.

– Может быть, в другой раз.

Я махнула рукой, как подобает члену королевской семьи, и ушла. Я сделала вид, будто знаю, куда иду, но на самом деле понятия не имела. Я ощупала парик, проверяя, не сполз ли он и не выглядывают ли мои волосенки. Взгляд цветочника щекотал мне спину, и я поспешила по тропинке направо, с глаз долой.

Так я очутилась в этом причудливом саду, о существовании которого даже не подозревала. Это напоминало путешествие из ада в рай длиной в тридцать шагов. Каких только чудес не встретишь в Лондоне!

12. Лондон на блюдечке

Сад был полон секретов. Там стояли пустующие шезлонги, расстилались фигурные поляны желтых, синих и красных цветов, и разбрызгиватель поливал лужайки, но никто не прогуливался, только я.

Может, я просто выпала из реального мира? Может, это сад мечты? Но потом я увидела кафе с белыми пластиковыми столиками и редкими посетителями. Мне вдруг захотелось холодного чая с малиной. Я подошла к прилавку и купила чай, а заодно и «пирожное миллионеров». Это такие карамельные хрустящие лакомства, после которых Грейс, мечтающая стать супермоделью, непременно засунула бы два пальца в рот.

На улице я выбрала столик подальше от всяких могитов. Осушив полстакана напитка и проглотив пирожное, я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. За моими веками плыл солнечный шар. Птица щебетала рингтоном мобильного. Машины проносились вдоль берега реки. Сколько же всего забавного в Лондоне! Я улыбнулась.

Что дальше?

Можно поехать обратно через реку на автобусе, чтобы повидаться с Грейс. Может, она уже остыла и хочет помириться. Тогда мы вместе прошли бы по магазинам на Оксфорд-Серкус или поучаствовали в представлениях в Ковент-Гарден. В такой день уличные актеры срывают большой куш. Мы могли бы поработать на них, Грейс и я. Собрать столько денег, что они заплатили бы нам нехилый процент. Зрители с балконов запускали бы в нас бумажные самолетик из пятифунтовых банкнот, визжали и мяукали от восторга. Грейс Великолепная и Солас Неукротимая. Уличные актеры приняли бы нас в свою труппу как талисманы на удачу, и вскоре мы бы колесили с ними по европейским столицам, и я наконец увидела бы Эйфелеву башню.

Но тут заявил о себе Биг-Бен, и я вернулась в Лондон. Бом, бом, бом. *Раз, два, три.*

Иногда, если дул правильный ветер, звон колоколов Биг-Бена долетал до нашего дома. Вместе с мамой мы отсчитывали часы. Мама выходила на балкон, потягивая свой прозрачный напиток со льдом. Сквозь закрытые веки я видела неподвижные гладкие облака и серебристые башни города, подернутые рябью сна. *Четыре, пять.* Полы маминого халата взметались, как шлейф фаты невесты, только халат был черный, а не белый, и из-под него выглядывали ночная сорочка лососево-розового цвета и пушистые тапочки под зебру. «Что всегда мечтала получить, – напевала она, – так это Лондон на блюдечке». Она смеялась, как будто только что сочинила первую строчку песни. «Лондон на чертовом блюдечке».

Шесть, семь, восемь. С высоты нашего балкона Лондон казался жужжащим роем миллионов жизней. Мама показывала мне, где садится солнце.

– Там Ирландия, Холл. Представь себе. Воздух. Зелень. Смех. Там можно дышать полной грудью, Холл. Когда-нибудь мы туда вернемся. Ты и я, вместе. Может, мы найдем старых друзей и начнем новую жизнь. У нас будет собака. И бунгало, наше собственное. И вид из окна, за который можно умереть. Не то что это уныние. Когда-нибудь, Холл. Обещаю.

Девять, десять, одиннадцать. Биг-Бен замолк. Я открыла глаза. Солнце нещадно палило, недопитый малиновый чай так и стоял на столике. Одиннадцать часов, а я нисколько не продвинулась на запад. Я устала на притихшие деревья.

«Что дальше?» – снова промелькнуло в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.